

— Это смотря о чём речь, — неопределённо протянул Цзян Шэн, почесывая затылок. — Вот если бы ты мне сундук с золотыми слитками подогнал, я бы его до самой смерти берегал — разве что совсем без гроша остался бы.

— Да не в том смысле, — Лян Жуйси попробовал зайти с другой стороны. — Ну, скажем, семь лет назад ты подарил мне пару носков. А я их до сих пор не выбросил, из года в год таскаю. И вот ты приходишь ко мне в гости и видишь их...

— Ты что, совсем сдвинулся? — с искренним отвращением перебил его Цзян Шэн.

Жуйси мгновенно взвился:

— Ты кого сдвинутым назвал?!

— Ну а как ещё? — буркнул Цзян Шэн, вжав голову в плечи. — Их же носить уже невозможно...

Жуйси вырвал у него из рук стакан, сделал глоток, пытаясь перевести дух, и через паузу спросил:

— А если бы это была обувь?

— Ну, с обувью другое дело. Хорошие кроссовки, лимитированная серия — такие даже поношенными выкидывать жалко.

— Обычные тапочки, — нахмурился Жуйси. — Самые простые, юаней за двадцать-тридцать.

— Э-э... — Цзян Шэн явно с трудом удерживал рвущийся наружу сарказм, но, опасаясь вспышки гнева собеседника, сделал предельно серьёзную мину: — Ну... значит, они реально удобные.

— Вот и я о том же... — Жуйси немного обмяк, цепляясь за эту мысль, как за спасительную соломинку.

— Правда, если они стоят тридцать юаней, я бы давно купил новые, — добавил Цзян Шэн.

Жуйси кивнул. В тот день он подумал ровно то же самое.

Ладно брелок для ключей, но кто таскает одни и те же копеечные тапки семь лет? Уходя, Жуйси чуть было не пошёл на сайт заказать Чжоу Яню сразу пар пять. Честное слово, ностальгия ностальгией, но доводить себя до такой нищеты...

Пока он убеждал себя в логичности этой версии, Цзян Шэн незаметно подсел ближе и с нескрываемым любопытством прошептал на ухо:

— Слушай... Это что, Чжоу Янь семь лет хранил твои тапки?

Жуйси чуть не поперхнулся воздухом. От испуга и смущения он мгновенно вцепился в Цзян Шэна и принялся тузить его кулаками:

— С чего ты вообще это взял?! Кто тебе сказал?! Перестань выдумывать!

Цзян Шэн, обхватив голову руками, с воплями бросился наутёк.

В десять вечера в метро было уже пустовато. На длинных сиденьях, где в час пик не протолкнуться, сейчас откидывались лишь двое-трое измотанных сверхурочной работой молодых людей.

Лян Жуйси вошел в вагон, но садиться не стал. Он остался стоять у дверей, опираясь на поручень, и смотрел, как за окном мелькают динамичные рекламные экраны. На одном из них крутили ролик, зазывающий посетить гору Яньлу в соседнем с Хайчэном городке.

Сочная зелень на экране увлекла мысли Жуйси в прошлое — в весенний семестр первого курса.

Кажется, это тоже было в конце апреля, накануне Первомайских праздников. Вторая группа юридического факультета организовала поход на гору Яньлу, чтобы встретить рассвет.

В субботу утром приехали на автобусе, пообедали и начали подъём. Ночевать собирались в бревенчатом домике у самой вершины, а утром, встретив солнце, отправиться назад.

Чтобы не бить по карману тем, у кого с деньгами было туго, сняли номера с общими нарами — отдельно для парней, отдельно для девушек.

Это была их первая совместная поездка всей группой, поэтому все ужасно воодушевились. Активисты во главе с Лю Цзинтуном приволокли три ящика пива и раздали каждому парню по две-три банки в рюкзак — якобы для наказаний в играх.

К пяти часам вечера добрались до домика. Сначала играли в «Мафию». Пока девушки оставались с ними, парняги скромничали: за проигрыш заставляли разве что спеть или сделать символический глоток.

Но к десяти вечера девчонки ушли спать. Тут-то пиво и вывалили прямо на нары под оглушительный клич: «Кто не пьян, тот не спит!»

В ту ночь два десятка парней собрались вместе и делились самыми сокровенными тайнами. Кто-то рассказывал о семье и родителях, кто-то — о любви и юношеских переживаниях. Впрочем, большинству тогда еще не довелось познать романтических отношений, так что разговоры чаще вращались вокруг первого.

Жуйси до сих пор помнил, как Вэй Жань жаловался на отца. Тот предъявлял к нему непомерные требования и обесценивал любые успехи, из-за чего парень вырос с жутким комплексом полноценности. Говоря об этом, Вэй Жань даже расплакался.

Другие ребята, у кого были братья и сестры, с горечью делились историями о родительском фаворитизме.

Жуйси не удержался от подколки:

— Да разве это проблемы? Чуть что — сразу в слёзы. Вы мужчины или кто?

Вэй Жань тут же взвился:

— Ты-то, жизнерадостный наш, по-любому в идеальной семье рос! Откуда тебе знать, как нам паршиво!

Жуйси не собирался откровеничать, но от подначки выпалил:

— Мой отец умер, когда мне было семь.

Все замерли. Даже Чжоу Янь уставился на него с изумлением.

Жуйси только и оставалось, что беспечно пожать плечами:

— Несчастный случай. Ничего такого. Я маленький был, толком и не понял ничего.

— И тебе даже не было больно? — спросил кто-то.

Жуйси задумчиво припомнил:

— Столько лет прошло, я уже плохо помню. Помню только, что постоянно хулиганил, и отец меня лупил. Тоже строгий был. Но вот когда стал подрастать, заметил, что у других отцы есть, а у меня нет... Завидовал, конечно. Особенно в средней школе, когда дрался с кем-нибудь:

постоянно дергался — а вдруг пацан отца приведет? Мне-то звать некого. Вот тут да, становится жутковато.

При этих словах он забавно вжал голову в плечи, разыгрывая тогдашний страх, чем вызвал у всех сбивчивый смех сквозь слёзы.

Вэй Жань спросил:

— А мама? Она-то тебя любила? Замуж больше не выходила?

Жуйси качнул головой, взгляд его потускнел:

— Она ушла, когда я учился в средней школе.

Лю Цзинтун ахнул:

— В смысле? Тоже умерла?!

— Да нет. Просто исчезла однажды. Тётка говорила, мол, уехала искать своё счастье. Не знаю толком... Может, просто сбежала, может, замуж втайне вышла.

Он говорил об этом совершенно спокойно, но именно эта отстраненность задела ребят сильнее любых рыданий.

Кто-то из парней посмотрел на него с таким состраданием, будто перед ним был бездомный сирота:

— Как же ты вырос-то?

Жуйси хмыкнул, глядя на их вытянувшиеся лица:

— Ну у меня же еще бабушки с дедушкой были, да тётушка. Я, считай, у младшей тётки на руках вырос, они меня все ужасно любили. Дед мне всегда говорил, что мир вообще штука непредсказуемая, ничего нам тут не причитается по праву. Чем больше изводишься из-за того, чего нет, тем несчастнее живешь. Главное — ценить то, что есть прямо сейчас.

В комнате воцарилась тишина. Шэнь Хуэй уважительно вздохнул:

— А дед твой — философ.

— Ещё какой! Я его больше всех люблю, после тётки, — Жуйси качнул головой. — Да и с учителями мне всегда везло. В средней школе за драки классрук меня пальцем не трогал. А вот дружка моего постоянно за те же драки перед классом ставили и заставляли устав переписывать. Хе-хе, наверное, дело в том, что я симпатичнее.

Ребята, только что сопереживавшие его сиротской доле, от такого нарциссизма единодушно завывали, зашумели и стали наперебой ругаться: дескать, небо всё-таки справедливо — отсыпало ему привлекательности взамен отсутствующих родителей.

Когда обстановка снова разрядилась, Жуйси повернулся к Вэй Жаню:

— Отец твой просто многого от тебя ждет. Но требования — это ведь тоже забота. Представь на миг, что его завтра не станет. Будешь ты тогда обижаться?

У Вэй Жаня покраснели глаза. Он стукнулся банкой с Жуйси:

— Спасибо, брат.

После этого рассказа кто-то окликнул Чжоу Яня, предлагая и ему поделиться чем-нибудь.

Чжоу Янь до этого сидел тихо. Услышав свое имя, он качнул головой:

— Я тоже хотел было понаписать душевных страданий, да послушал вас и понял, что мои метания — чистейшая ерунда. Жизнь действительно непредсказуема. Предлагаю выпить. И спасибо вам за этот вечер.

С этими словами он с кликом открыл новую банку и осушил её до дна.

Пацаны одобрительно загудели. Видя, как Чжоу Янь одним махом убрал целую банку пива, приставать к нему с расспросами больше не стали.

Ближе к ночи хмель окончательно взял своё. Тех, кто громче всех кричал про «кутеж до утра», развезло первыми, и они отвалились спать. Оставшиеся стойкие уже не заботились о том, как выглядят со стороны, и наперебой изливали душу каждому, кто еще способен был слушать.

Даже обычно скрытный Шэнь Хуэй в разговоре с Вэй Жанем вдруг проговорился о давней сердечной тайне — мол, человек, который ему нравился, был влюблен в другого, и оба они были его лучшими школьными друзьями. Санта-Барбара чистейшей воды.

Жуйси всюду грел уши, слушая эти сплетни. В этот момент Чжоу Янь, помогавший уложить очередного перебравшего однокурсника, вернулся и сел рядом с ним.

— Когда мама ушла, тебе ведь было очень больно? — тихо спросил он.

Это был удар без промаха. Маска безупречной стойкости, которую Жуйси так тщательно носил перед всеми, от одного этого негромкого вопроса разлетелась вдребейги.

То ли алкоголь ударил в голову, то ли выдержка подвела, но Жуйси, не успев даже сообразить, молча зачистил слезами.

— Да, — прошептал он. — Я тогда никак не мог понять: почему она меня бросила? Я что, был слишком непослушным? Потом я перестал драться. Стал зубрить уроки, вышел на первое место в классе, поступил в лучшую школу Чаншуя, потом вот в Университет F... Я ведь стал таким хорошим, почему же она не возвращается?..

Чжоу Янь обнял его за плечи. Жуйси уткнулся в него и разразился слезами, как дурак. А потом, уже затихая, стал тихонько мурлыкать под нос песню «Мама — лучшая на свете»...

Как в итоге заснул, он не помнил. Уже сквозь сон, сквозь пьяную пелену, ему показалось, будто кто-то касался губами уголка его глаза.

Тогда он пьян был до беспамятства и не мог отличить сон от яви. Помнил только, что, открыв глаза, увидел перед собой Чжоу Яня, поморщился, слегка оттолкнул его и снова провалился в небытие.

На следующий день их разбудили еще до рассвета.

Все ходили сонные, голова трещала, а на вершине горы некоторые и вовсе стояли с закрытыми глазами, дрожа от предрассветного холода.

Но вот из-за горизонта показалось солнце — круглое, ярко-красное, похожее на яичный желток. Огненный шар медленно выплывал на небосвод, даря теплящийся свет, и ребята один за другим открывали глаза, завороженно глядя, как багряная заря озаряет весь горный кряж.

Перед лицом величественной природы человек неизбежно ощущает собственное ничтожество, и в такие минуты так естественны порывы загадать желание. Кто-то первым, поддавшись юношескому запалу, гаркнул в пустоту:

— Боги, дайте мне сил! Я стану самым сильным мужчиной!

И тут же со всех сторон посыпались самые разные вопли и надежды:

— Я заработаю кучу денег! Докажу родителям, что я лучший!

— Я окончу университет с высшим баллом! Уеду учиться за границу и объезжу весь мир!

— Я стану лучше всех! И те, кто раньше на меня не смотрел, локти кусать будут!

Рядом с мечтами летели и обычные подколки:

Лю Цзинтун:

— Надеюсь, кое-кто начнет вовремя стирать свои вонючие носки, а не раскидывать их где попало!

Вэй Жань:

— А я надеюсь, кое-кто перестанет втихаря крутить порнуху на ноуте в комнате и вонять на весь блок!!

Смех и крики смешались в единый гул.

Чжоу Янь стоял рядом с Жуйси. Посмотрев на его вечно серьезное лицо, Жуйси вдруг решил подразнить его. Сложив ладони рупором, он закричал в небо:

— А я хочу, чтобы кое-кто перестал ходить с кислой миной! Тебе всего девятнадцать, ты не старый чинуша, улыбайся чаще!

Чжоу Янь замер, а потом, подражая Жуйси, тоже запрокинул голову и крикнул во весь голос:

— А один дурачок еще в прошлом семестре не знал, чем отличается адвокат от прокурора! Желаю ему учиться как следует! Пусть быстрее исполнит свою настоящую мечту! И еще желаю ему быть счастливым каждый день! И жить без забот!

Спустя годы это длинное пожелание Чжоу Яня вновь зазвучало в голове Лян Жуйси с безупречной четкостью.

И ведь правда, когда Жуйси тогда заявил, что станет знаменитым адвокатом и переловит всех преступников, Чжоу Янь поправил его: ловить преступников — задача прокурора, а адвокат защищает интересы клиента. Жуйси тогда пытался спорить — мол, если он защищает жертву и помогает суду наказать злодея, то в каком-то смысле тоже ловит преступников. Чжоу Янь не

стал спорить, но на первом курсе Жуйси действительно путался в базовых понятиях.

В то апрельское утро они стояли на вершине горы, подшучивали друг над другом и искренне желали счастья. Их голоса эхом разносились над Яньлу, улетаая вместе с утренним ветром к восходящему солнцу.

Спускаясь вниз, Жуйси вприпрыжку пробежал пару шагов, но заметил, что Чжоу Янь отстал, и обернулся.

Поздняя весна принесла легкие облака, и Чжоу Янь стоял в контрсвете, окутанный мягкой дымкой, так что разглядеть выражение его лица было невозможно.

Жуйси помахал ему рукой и громко крикнул:

— Чжоу Янь! Догоняй!

— Иду! — отозвался тот и быстро сбежал вниз.

Тот неясный поцелуй, случившийся накануне, был полностью вытеснен эмоциональным утренним шумом, и Жуйси тогда не придавал ему значения.

Лишь значительно позже, когда произошли другие события, он смутно вспомнил тот момент и впервые задался вопросом: а ведь может быть, Чжоу Янь уже тогда любил его?

<http://bllate.org/book/20461/2132145>